— Как так получилось, что я несколько дней не кормил тебя ничем вкусным, а ты, кажется, немного поправилась? — приглушенно произнес Сун Ижань.

— Невозможно! Я почти ничего не ела! — Линь Кэсун сердито опустила голову и обнаружила, что глаза Сун Ижана полны улыбки.

— Почти ничего не ела? Это потому, что меня здесь нет, и ты скучаешь по мне? — Сун Ижань обернулся, подпер лицо рукой и стал очень похож на подвыпившую наложницу.

В прищуренных глазах читалась легкая провоцирующая улыбка, губы изогнулись ленивой дугой. Даже изящный кончик носа вызывал желание прикусить его.

— Когда ведущая этого кулинарного шоу, Аннализа, пришла ко мне и сказала, что мое блюдо вошло в десятку худших по индексу гнилых помидоров, я действительно скучала по тебе, но я просто хотела тебя побить!

Линь Кэсун подняла кулак, и как раз в тот момент, когда она собиралась ударить его по носу, Сун Ижань решительно удержал ее. Он разжал ее пальцы один за другим, опустил глаза, нельзя было сказать, был ли он счастлив, его пальцы медленно переплелись с ее и нежно прижали ее руку к подушке.

— А сейчас? Считаешь ли ты это так называемое персональное обучение очень интересным? Похоже, вы не очень хорошо ладите со своим наставником.

Разве это не приятно?

Линь Кэсун сомневалась. Действительно, Цзян Цяньфань не из тех наставников, которые были мягкими и терпеливыми. Вначале она также скептически относилась к его манере общения с людьми. Требовательный, подчиняющийся правилам и неудобный. Но если бы ей действительно пришлось расстаться с той жизнью, которая у нее была сейчас, она вдруг почувствовала, что на самом деле не смогла бы вынести этого.

Это Стокгольмский синдром?

Сун Ижань слегка приподнял голову, глядя на Линь Кэсун своими завораживающими глазами, внимательно наблюдая за каждым ее едва уловимым выражением. У него глубокие глаза.

Линь Кэсун внезапно почувствовала, что Сун Ижань, стоящий перед ней, был как незнакомец. Потому что он никогда раньше не смотрел на нее так, словно хотел притянуть к себе. Когда она подсознательно отвела взгляд, то почувствовала, что взгляд Сун Ижана все еще устремлен на нее.

— Если ты хочешь получить деньги на оплату обучения, я могу порекомендовать тебе другую,

более подходящую работу. Тебе не обязательно принимать участие в этом конкурсе. Для такого шоу у них, скорее всего, уже подготовлен сценарий. Так называемое обучение у наставника — это всего лишь уловка, — голос Сун Ижана был очень спокойным. У него не было намерения издеваться над ней, он лишь хотел сказать правду.

— Ты хочешь сказать, что даже если я пойду на конкурс, его исход на самом деле не имеет никакого отношения к силе участников... Это как в тех эстрадных шоу, где зрители решают, кто остается до конца и кто в итоге становится победителем? Все ради рейтинга?

Линь Кэсун была необъяснимо взволнована. Когда Аннализа появилась перед ней и заговорила о каком-то списке «гнилых помидоров», в глубине души она действительно знала, что это всего лишь телевизионная программа. Но Цзян Цяньфань... заставил ее отнестись ко всему этому серьезно. Потому что она верила, что программа, к которой Цзян Цяньфань относился серьезно, не может быть какой-то ерундой.

Хотя и предполагается, что эти мастера, давно известные в кулинарном мире, будут обучать новичков, но достаточно ли трех месяцев? Изначально такой турнир задумывался лишь для того, чтобы обойти неловкую ситуацию и потерю репутации, вызванную игрой мастеров непосредственно друг против друга. Но ведь ученики, которых годами учили мастера, могут играть за них! Уровень игры был бы более высоким, более представительным и служил бы цели выявления новых талантов. Но вместо этого конкурсная комиссия выбрала тех, кто хуже всех готовит. Неужели это не пробуждает интерес и не разжигает аппетит публики?

Линь Кэсун знала, что Сун Ижань не пытался ее отговорить, а просто боялся, что у нее будут слишком большие ожидания, а потом наступит разочарование. Это было гораздо тяжелее, чем знать с самого начала, что все было лишь игрой для зрителей.

Сун Ижань сел и щелкнул пальцем по лбу Линь Кэсун:

— Посмотри на свой разочарованный вид. Ты так долго пробыла на кухне, что заинтересовалась кулинарией?

Линь Кэсун прикрыла лоб ладонью.

— Похоже на то... Знаешь, раньше я думала, что для того, чтобы что-то съесть, нужно просто правильно приготовить и попробовать. Я никогда не думала, что в блюде нужно уделить внимание стольким деталям, начиная от выбора ингредиентов и заканчивая нарезкой, и сочетанием продуктов, и раскрытием вкуса. Если бы кто-то сказал мне до приезда в Нью-Йорк, что приготовление пищи — это искусство или что-то в этом роде, я бы сильно посмеялась. Но теперь... это действительно искусство.

— Так ты хочешь продолжить? — спросил Сун Ижань.

— Я хочу узнать об этих вещах... но я не хочу быть клоуном по телевизору.

— Тогда, как я уже сказал, мы можем найти кого-нибудь, кто согласится научить тебя.

— Но я уже согласилась участвовать в конкурсе, поэтому нельзя безответственно отказываться. Кроме того есть денежный приз. Думай об этом как о трехмесячной работе на неполный рабочий день, — Линь Кэсун рассмеялась, наклонилась и прошептала: — Также я не получила ответа на главный вопрос моего дяди. Если я вот так просто остановлюсь на полпути, он определенно убьет меня.

— Ты всегда была человеком, который доводит дела до конца.

Сун Ижань зевнул и лениво встал. Прежде чем Линь Кэсун успела выпрямиться, кончик носа Сун Ижана просто потерялся о ее лицо. Прикосновение, оставленное кончиком слегка прохладного носа на ее щеке, долгое время ощущалось как царапина.

Линь Кэсун закрыла лицо руками, в то время как Сун Ижань прищурил свои персиковые глаза, внезапно возникло заигрывание:

— Отлично, Линь Кэсун! Ты специально ждала, когда я тебя поцелую, не так ли?

Старая драма вот-вот будет поставлена.

Линь Кэсун расправила плечи и трижды громко рассмеялась, поставила ногу на край кровати, подцепив пальцем подбородок Сун Ижана:

— Эй, красотка, ты видела это? Давай, давай, позволь господину поцеловать тебя еще раз.

Сун Ижань был похож на ленивого кота, прикрывшего глаза, как будто ему действительно нравилось, как Линь Кэсун держит его подбородок. В этот момент Линь Кэсун покачала головой, и в глубине души она вдруг представила, когда Чу Тин или другие девушки будут шутить с ним, у него тоже будет такое выражение лица?

В следующий миг Сун Ижань схватил Линь Кэсун за запястье и внезапно прижал ее к кровати. Когда ее затылок столкнулся с подушкой, Линь Кэсун внезапно увидела приближающееся лицо Сун Ижана прямо перед собой. Его дыхание касалось ее носа, все было окутано им, и это чувство подавленности заставляло Линь Кэсун чувствовать себя в необъяснимой опасности.

Эта аура сильно отличалась от красивой и возвышенной ауры Цзян Цяньфана, словно зверь, умеющий впадать в спячку, наконец-то настиг свою добычу между деревьев густого леса.

Глаза, которые изначально были ленивыми и казались безразличными ко всему, были похожи на внезапно опустившуюся ночь.

Через несколько секунд Линь Кэсун наконец пришла в себя.

— Эй... ты напугал меня до смерти! — Она подняла ногу и хотела оттолкнуть его, но из-за неправильного положения она просто потерлась коленом о талию противника.

В этот момент глаза Сун Ижания потемнели. Он медленно опустил голову, повернул лицо, как будто собирался прильнуть к ее губам.

Линь Кэсун напряглась.

Чем ближе он приближался, тем отчетливее ощущалось его тепло.

«Не позволяй ему больше играть с тобой. И не возлагай на него никаких ожиданий».

Линь Кэсун отдернула голову, лицо Сун Ижания уткнулось ей в шею, затем он приглушенно рассмеялся.

— Эй, господин, красотка собиралась поцеловать тебя, почему же ты в итоге застеснялся?

Линь Кэсун закатила глаза к небу. «Посмотри на это! Посмотри на это! Этот парень такой!..»

«Хорошо, что я не поцеловала его сама, а то не знаю, что бы случилось!»

— Что вы, ребята, делаете?! — рядом с ними раздался девичий голос.

Линь Кэсун повернула свое лицо, и на этот раз она действительно случайно коснулась губ Сун Ижания.

Она широко раскрыла глаза и несколько секунд не приходила в себя.

Что она только что сделала?

Человек, стоявший сбоку от кровати, был не кем иным, как Линь Сяосюэ!

Не думая о реакции Сун Ижания, Линь Кэсун забеспокоилась о том, что будет, если Линь Сяосюэ разболтает об этом дяде? Даже если здесь все было очень непредубежденно, дядя был очень консервативен, как и отец Линь Кэсун, и определенно не любил, когда молодые люди валяют дурака в комнате! А Сун Ижань был прямо на ней, и бог знает, что подумал бы дядя, если бы Линь Сяосюэ рассказала такое!

— Это фарс. — Сун Ижань улыбнулся, вставая.

— Фарс? Линь Кэсун, разве ты не говорила, что вы с ним дружите уже десять лет? — Линь Сяосюэ выглядела очень рассерженной.

Линь Кэсун была смущена, почему эта девушка такая простая, у нее все написано на лице. Как будто боялась, что весь мир не узнает, что она интересуется Сун Ижанем. Но сегодня Линь Кэсун увидела истинную способность Сун Ижана быть дерзким.

— Кто сказал, что давним друзьям нельзя валять дурака? — Сун Ижань раскрыл руки как будто для объятий — Ты тоже можешь присоединиться к нам! Может, я позволю тебе тоже поцеловать меня?

Линь Сяосюэ была ошеломлена.

В душе Сун Ижань — воспитанный и образованный человек. В последний раз, когда он давал ей советы по эссе, она получила очень высокую оценку, и даже ее преподаватель похвалил ее за идеи и четкие аргументы. Она еще больше восхищалась Сун Ижанем.

Но был ли Сун Ижань в данный момент настоящим Сун Ижанем?

— Хочешь присоединиться или нет, а?

— Ты... ты... это мой дом!

Сказав это, Линь Сяосюэ сердито хлопнула дверью и ушла.

Сун Ижань не забыл повысить голос, чтобы сказать:

— Но это комната Линь Кэсун. Не забудь постучать, когда придешь в следующий раз!

Через стену Линь Кэсун слышала, как Линь Сяосюэ швыряет вещи.

Она беспомощно подняла ногу и пнула Сун Ижана.

— Кто тебя просил валять дурака! Теперь ты хорошо сыграл, ах! Если мой дядя узнает, я не знаю, как это объяснить. Позволь мне внести ясность, Сяосюэ — это не Чу Тин, она моя двоюродная сестра, моя семья. Не валяй дурака.

Сун Ижань обернулся, нахмутив брови:

— В твоём сердце, что я за человек?

— Золото и нефрит снаружи, грязь внутри*, — Линь Кэсун села, скрестила ноги, положила одну руку на колено и очень серьезно ответила.

П.п.: Эта идиома имеет уничижительное значение и в настоящее время обычно используется для описания людей, которые бросаются в глаза, красивы внешне, но не имеют никакой способности к саморазвитию.

— А что если однажды ты обнаружишь, что внутри и снаружи я один и тот же?

<http://tl.rulate.ru/book/12730/2859207>